

ТАБУ

И

«КОЛДОВСТВО»

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

В ЖИЗНИ африканцев очень важную роль играют табу. Табу означает запрет касаться определенного предмета или совершать известное действие. Считается, что нарушение его может повлечь за собой несчастье или смерть. Происхождение табу до сих пор не установлено.

Есть табу, распространяющиеся на всех без исключения, есть касающиеся только отдельного человека. К первым относится, например, соблюдение мужьями особых правил поведения в период, когда жена ожидает ребенка. У племени мпонгве им запрещается есть несвежее мясо, дотрагиваться до хамелеона, засыпать какое-нибудь отверстие землей, забивать гвозди, присутствовать при смерти животного или человека, прикасаться к трупам и т. п.

На первых порах моего пребывания в Габоне я был поражен тем, что служащие госпиталя в очень резкой форме отказывались переносить покойников. Я пытался и уговорами и приказами заставить их делать это, но напрасно: люди бросались мне в ноги и умоляли освободить их от этой повинности.

Табу, распространяющиеся только на отдельного человека, объявляются отцом при рождении ребенка. По мнению африканцев, отец провозглашает откровения, поведенные ему духами предков: чего ребенок дол-

жен избегать, чтобы уберечься от несчастья и преждевременной смерти.

Ребенок узнает о существующих для него табу, едва подрастет настолько, чтобы уметь пересчитать пальцы на своей руке. Те табу, которые он еще не может постигнуть, раскрывают перед ним позднее, когда он повзрослеет.

В окружающем человека мире нет ничего, что не могло бы стать запретным. Недалеко от Самкиты жила женщина, которая согласно наложенному на нее табу не прикасалась к венчику. Она собирала мусор руками.

Табу одного мальчика запрещало касаться его правого плеча. Когда однажды европеец дотронулся до его левого плеча, тот его поблагодарил. Европеец был очень удивлен: за что же здесь благодарить? Мальчик ответил: «Я благодарен тебе за то, что ты дотронулся до моего левого плеча. Было бы ужасно, если бы ты положил руку на правое».

В госпитале у нас лежал африканец, у которого было следующее табу: нельзя было касаться его головы. Стоило случайно задеть рукой хотя бы его волосы, как человек падал в обморок.

Трагическая история разыгралась во время моей жизни в Самкиты. На мальчика из местной миссионерской школы было наложено табу — не есть бананов, остерегаться даже пицци, приготовленной в посуде, где они лежали. Однажды товарищи сообщили ему, что он ел

рыбу из посуды, куда были сложены банановые шкурки. У него тут же начались судороги, и через несколько часов он скончался.

Из достоверных источников я слышал о многих других случаях, связанных с нарушением табу, кончившихся столь же трагически.

Есть женщины, табу которых гласит: если их первый ребенок будет мальчиком, то или он, или мать должны умереть.

Однажды женщина с таким табу при первых родах разрешилась девочкой. Но, по мнению родственников, которые слышали первый крик младенца, новорожденная плакала, как мальчик. На этом основании мать решила, что родила мальчика, который потом перевоплотился в девочку. Ее нельзя было переубедить, никакие уговоры не помогали. Так как, по наложенному на нее табу, один из них должен был умереть, она избрала себя. С того дня она стала сохнуть. К тому времени, когда ее привезли к нам в госпиталь, она превратилась в ходячий скелет и через несколько дней умерла. Болезнь, насколько мы могли установить, была психического происхождения.

То, что туземцы из-за нарушения табу умирают, можно объяснить лишь тем, что они в силу своей несокрушимой веры в табу непонятным для нас образом психически себя настраивают. Европейцы, пользующиеся доверием африканцев, могут в таких случаях, прибегая к внушению, к психотерапии, повлиять на них.

Как-то раз женщину из Самкиты, табу которой заключалось в том, что ее нельзя было ударять по спине, все-таки нечаянно стукнули во время ссоры по запретному месту. У нее тут же начались страшные судороги, парализовавшие дыхание. Врач-европеец, которого к ней позвали, взял ее за руку и приказал дышать, чему она подчинилась, хотя и с трудом. Но едва он отошел, припадок удушья возобновился. Лишь после того как врач просидел возле нее длительное время, судороги постепенно утихли. В последующие дни припадки повторялись, но были уже слабее и постепенно благодаря вмешательству врача прекратились вовсе. Насколько я понимаю, смертельный исход таких припадков связан с тем, что судо-

Глава из книги А. Швейцера «Африканские рассказы».

роги распространяются на органы дыхания и парализуют их. Самому мне наблюдать подобные случаи не приходилось.

Мне рассказывали об излечении Ньинсоны — женщины из племени мпонгве. Табу запрещало ей смотреть на свое отражение в стекле, в металле, в воде. Бывало, она с тяжелой ношей на спине возвращалась с поля домой и, переходя через ручей по бревну, не имела права глядеть на ноги, так как при этом нечаянно могла бы увидеть свое отражение. Если же это все-таки случалось, она теряла сознание и падала в воду. Ее не раз спасали — иначе бы она утонула.

В полном отчаянии она пришла к врачу. «Это табу, — говорила она, — страшная сила. Я его ужасно боюсь, но надеюсь при твоей помощи избавиться от него».

После длительных уговоров она отважилась взглянуть на себя в зеркало. Она долго любовалась собой, сняв от счастья, что с ней ничего не случается. Наконец она подняла глаза на врача и сказала: «Как это я не знала до сих пор, что так хорошо!».

Над африканцем тяготеет вера в силу проклятия, насланного одним человеком на другого, вера в колдовство.

Особое могущество молва приписывает проклятию отца. Женщина отказалась выйти замуж по приказу родителей за человека, предлагавшего за нее значительно больший выкуп, чем жених, с которым она была сговорена с детства. Отец, которому нужны были деньги для уплаты долгов, проклял ее, заявив, что, если она выйдет замуж за любимого, то или она сама, или ребенок, который родится от их брака, умрут. Она родила здорового ребенка. Чтобы сохранить ему жизнь, она решила умереть сама. Как вышеупомянутая женщина, поставленная табу перед той же альтернативой, она умерла столь же загадочным образом от истощения. Ребенок был доставлен в госпиталь и здесь выхожен при помощи соски. Так я узнал об этом случае.

Столь же истово, как в проклятии, африканцы верят в благословение. Зачастую ребенку дают имя человека, от которого ожидают покровительства новорожденному.

Особенно действенным это средство считается в том слу-

чае, когда у человека, чье имя хотят присвоить младенцу, испрашивают разрешение и получают его. Значит, он сам дал ребенку свое имя и, следовательно, благословил его.

Случается, что то или иное имя присваивают с целью сведения на нет влияния табу и колдовства. Если мы в госпитале сталкиваемся с девочкой, которая носит имя мальчика, и, наоборот, встречаем мальчика с девичьим именем, мы уже знаем, что это не каприз их родителей. Это значит, что на мать наложили табу, согласно которому ее первенец-мальчик должен умереть. Вот она и дала ему имя девочки, чтобы убедить его от гибели. Если же наоборот, табу относилось к де-

вочке, ей присваивали имя мальчика.

У одной женщины умерли в раннем возрасте одна за другой несколько дочерей. Она написала это козням злых духов. В момент появления на свет следующего ребенка она воскликнула: «Какой красивый мальчик!» — хотя это опять была девочка, — дала ей мужское имя и неизменно обходилась с нею как с мальчиком. Она хотела таким образом ввести в заблуждение злых духов, которые, по ее мнению, расправлялись только с девочками. И, как ни странно, именно этот ребенок выжил.

Перевела с немецкого
Е. Шохина

Пакистанские студенты в Москве

Цель моего приезда в общежитие Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы — посетить пакистанских студентов в праздничный для них день провозглашения республики.

Налево по коридору — Лаос, направо — Бирма, за ней — Непал, Бразилия, Индия, Нигерия. Напротив Нигерии дверь в Пакистан с прикрепленным на ней кнопками бумажным бенгальским тигром с ощеренной пастью. По всей видимости, вырезка из какого-то журнала.

В комнате три кровати. Откуда же столько народа? Выясняется, что в этот весенний день здесь все собрались, чтобы отметить День Пакистана. Осматриваюсь. По стенам расклеены картинки с видами Пакистана. Рядом с пакистанскими безделушками выстроился отряд широко улыбающихся русских матрешек.

Начинается беседа. В Университете дружбы пакистанских студентов не так уж много — всего 22, а если считать вместе с обучающимися в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента и других городов, — несколько десятков человек. Специализация в основном техническая. Бурно развивающейся промышленности Пакистана срочно требуются высококвалифицированные инженеры. Пакистан пока еще не в состоянии подготовить необходимое количество специалистов. В 1970 году, например, будет выпущено шесть тысяч инженеров, а потребуется более 13 тысяч. Поэтому многие студенты из Пакистана учатся в других странах. Их можно встретить в США, в Англии, в ФРГ и в Советском Союзе.

Среди присутствующих будущие инженеры-нефтяники и инженеры-химики, два филолога, медик, машиностроитель и специалист по международному праву. Беседа ведется на русском языке. Изъясняться могут даже те, кто не прожил в Москве и полугодом. Заниматься студентам приходится сейчас очень много, а в будущем, наверное, придется еще больше. Они это прекрасно понимают. Кто-то так и просидел все время нашей беседы за книгами, лишь изредка отвлекаясь.

На вопрос, как им нравится жить в Москве, они все единодушно отвечают: «Ачча!» («Прекрасно!»).

Л. КОРНЕВ